

Игорь ЯГУТТОВ

ЖОРИК

(история детства)

Игорь Ягунов
Жорик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23300505

Аннотация

История мальчика, которого никто не любил...

Содержание

1	6
2	13
3	16
4	20
5	24
6	26
7	29
8	32
9	35
10	37
11	39
12	41
13	43
14	45
15	47
16	50
17	52
18	54
19	56
20	58
21	61
22	62
23	65

24	68
25	70
26	72
27	74
28	76
29	77
30	80
31	82
32	85
33	87

1

Я закрываю глаза и вижу перед собой город у моря. С высоты он кажется игрушечным, сложенным из кусочков разноцветных стеклышек, камешков и ракушек. Город приближается, я начинаю различать качающиеся на легком ветру кроны деревьев, отблески солнца в оконных стеклах, движение машин на улицах.

Мой взгляд проносится над городским садом, густо заросшим старыми разлапистыми липами. Как бы я хотел остаться здесь, пройтись по тенистым аллеям, посидеть на скамейке, откинувшись на ее покатую деревянную спинку, послушать неумный шум фонтана. Но я продолжаю движение.

Сад остается позади, и я углубляюсь в лабиринты узких улочек старого городского центра. Я опускаюсь все ниже и ниже, почти задевая крыши массивных купеческих домов. Солнце где-то за моей спиной тускнеет. Я не могу обернуться, но понимаю, что оно просто сваливается за горизонт.

Внезапно накатывают вечерние сумерки. Так стремительно они наступают только на юге. Как будто солнце поскорее стремится сбежать отсюда, ища спасение от нагнанной им же самим жары.

Тьма сгущается, мой взгляд продолжает неуклонное движение вниз, и в следующее мгновение я, словно в узкую из-

вилистую траншею, ныряю в сырое и темное пространство улицы.

Здесь я вижу женщину, которая тащит за руку маленького мальчика в нелепых черепаховых очках. Мальчик упирается, его сандалии шаркают по шершавому, как пемза, тротуару.

– Я не хочу к врачу, – ноет мальчик, – не хочу.

– Жорик, замолчи! – не оборачиваясь громко произносит, почти кричит женщина.

– Мама, зачем опять к врачу? – гундосит Жорик.

– Он светило! – многозначительно произносит мама, убеждая сына и, как кажется, саму себя.

– Мы же были у Васильевой, – пытается возразить Жорик.

– Причем здесь Васильева? – возмущается мама. – То поликлиника, а это частный врач. Его хвалят. Он посмотрит, скажет.

– Что скажет? – хнычет Жорик.

Но мама уже не слушает его. Она поглощена поисками дома частнопрактикующего лекаря. Редкие фонари отгорожены от улицы, как тяжелыми портъерами, густыми кронами деревьев, а потому светят больше в небо, чем на тротуар. И на улице стоит почти полнейший мрак. Крыльца купеческих особняков до ужаса похожи одно на другое. А различить привинченные к стенам таблички с номерами домов почти невозможно.

– Да где же это? – не выдерживает мама.

– Пойдем домой, – предпринимает Жорик последнюю по-

пытку избавиться от ненавистного визита к врачу.

– Мы записаны! – уже почти кричит мама.

– Нас вычеркнут, – с надеждой огрызается Жорик.

– Это дорого стоит, – говорит мама, изо всех сил пытаюсь успокоиться.

Жорик испепеляет ее непонимающим взглядом.

– Дело не в деньгах, просто ты должен ценить мою заботу, – исправляет свою ошибку мама. – Я одна тебя воспитываю.

– А бабушка? – возражает Жорик.

– Не отвлекай меня, – снова вскрикивает мама и дергает сына за руку. – Вот, это здесь. Я же приходила сюда записываться.

На звонок в дверь отзывается пожилая дама в белом халате. Она смотрит на стоящих на пару ступенек ниже посетителей сверху вниз сквозь толстые линзы очков.

– Мы записаны на семь тридцать, – говорит мама.

– Проходите, – говорит женщина в халате, отступая и давая проход визитерам.

– Я не хочу, – начинает плакать Жорик.

– Исаак Абрамович не любит нервных детей, – морщится пожилая дама.

– Да, конечно, – бормочет мама.

– Успокойте его, – уточняет дама в халате, кивнув в сторону Жорика.

– Да, конечно, – повторяет мама и крепко, почти до боли

сжимает руку сына.

В полной безысходности Жорик по каменным ступенькам поднимается в небольшую комнату с письменным столом и несколькими обитыми темно-вишневым дерматином стульями. С высоченного потолка свешивается на длинном стальном стержне светящийся шар из матового стекла. Он заливает комнату почти мертвенным светом.

– Давай уйдем? – просит Жорик маму.

– Садись! – огрызается та, силой усаживая сына на дерматиновый стул.

И тут Жорик начинает реветь. Мама пытается его успокоить, но безуспешно.

– У Исаака Абрамовича пациент, – шипит пожилая дама в белом халате. – Тише.

От этого «тише» Жорик начинает вопить еще громче. Пожилая дама дает ему стакан воды. Зубы Жорика клацают о стекло, когда он пьет.

– Я тебя убью! – зловеще произносит мама.

Жорик все еще дергается и икает от душащих его слез.

– Я не пойду к врачу, – снова и снова повторяет он.

– Пойдешь, – огрызается мама.

Тут дверь, которая ведет вглубь дома, распахивается. Из нее выходит молодая женщина. Она ведет за руку девочку, которая выглядит ровесницей Жорика. Девочка смотрит на его красное и мокрое от слез лицо с удивлением.

– Это ты тут плакал? – приветливо обращается к Жорику

молодая женщина.

Жорик упрямо молчит.

– Он, – заискивающим тоном говорит мама и, обращаясь уже к Жорику, добавляет: – Видишь, какие нормальные дети бывают?

Она имеет в виду вышедшую от врача девочку. Жорик уже готов снова зарыдать. Но пожилая дама в белом халате приглашает их с мамой пройти в кабинет.

Мама почти силой втаскивает Жорика в большую комнату с массивным столом, несколькими креслами и кушеткой. Помимо свешивающихся с потолка двух стеклянных шаров, комната освещена еще и настольной лампой, яркий луч которой из-под зеленого абажура бьет Жорику прямо в глаза.

Жорик щурится, моргает, но никак не может рассмотреть сидящего за столом доктора. Он видит лишь объемную расплывшуюся тень, которая, как кажется, наваливается на него.

– На что жалуется мальчик? – спрашивает доктор маму.

– Ангины постоянные, – почему-то извиняющимся тоном начинает объяснять мама. – Мы проверялись в поликлинике. Говорят, что шумы в сердце. И еще, доктор, руки у него периодически ватные.

– Ватные? – равнодушным тоном переспрашивает доктор.

– Да, – подтверждает мама, – периодически. Все из них выпадает, не может даже пуговицы на рубашке застегнуть.

– Давайте посмотрим, – говорит доктор. – Разденьте маль-

чика до пояса.

– Я не хочу! – вновь начинает рыдать Жорик, извиваясь в маминых руках.

Но мама цепко хватается за него, расстегивает пуговицы на рубашке и снимает ее.

– Простите, ради бога, – извиняется она перед доктором, который за это время успевает встать из-за стола, обойти его и, заслоня своей фигурой яркий свет лампы, подойти прямо к Жорику. Теперь Жорик может его рассмотреть. Это пожилой тучный мужчина с залысинами. Жорик начинает рыдать с удвоенной силой.

– Видите, доктор? – обращается к доктору мама, ища сочувствия. – Как быть? Такого вот бог послал.

Но доктор ничего не говорит в ответ. Он молча протягивает к Жорику руку и прислоняет к его груди ледяную сталь стетоскопа. Жорик вздрагивает и затихает. Он понимает бессмысленность дальнейшего сопротивления. Доктор переставляет стетоскоп в другую точку, затем в третью. Каждый раз Жорик дергается, как от удара током.

– Поверните его спиной, – говорит доктор маме.

Он тщательно выслушивает Жорикову спину, периодически качая головой. Жорик чувствует это движение по тому, как дергаются трубки стетоскопа.

– Да, шумы есть, – произносит доктор.

– И руки ватные, – напоминает мама.

– Нервный ребенок, – неодобрительно качает головой

доктор.

Жорик уже опять готов расплакаться, когда мама начинает напяливать на него рубашку. Жорик отвлекается на этот процесс и немного успокаивается. Доктор тем временем возвращается за свой стол, отчего яркий луч лампы вновь бьет Жорику прямо в лицо.

Доктор что-то долго пишет на листе бумаги, потом отдает написанное маме.

– Нужно успокаивать нервы, – говорит он. – Иначе мальчику будет тяжело.

Поняв, что пытка закончилась, Жорик выскакивает из кабинета, мама выходит вслед за ним, обменявшись с доктором несколькими фразами, из которых Жорик улавливает лишь докторское «спокойная обстановка» и мамино «мы все для него делаем».

Спустя минуту Жорик и мама вновь оказываются на улице, где темнота, как кажется, сгустилась еще больше. Мама берет Жорика за руку. Всю дорогу домой они проходят молча.

2

Душный летний день. Солнце уже спустилось пониже к горизонту, отгородившись от улиц густой зеленью деревьев. Асфальт и панельные стены домов устало отдают накопленный жар. Жорик едет на велосипеде по двору. Сзади его сопровождает бабушка. Жорик горд и счастлив: такому велику, который купила ему вчера мама, можно только позавидовать. Он с трудом скручивает педали трехколесной махины.

– Не разгоняйся! – окрикает его периодически бабушка, которую клонит в сон расслабляющая послеобеденная жара.

Но Жорик не может сдерживать свою радость от новой лайбы, а потому без усталости налегает на педали. Жаль, что некому продемонстрировать возможности железного коня.

И тут Жорику улыбается удача. Впереди, прямо по курсу своего движения он видит стайку мальчишек постарше него самого. Они с явной завистью смотрят на приближающийся к ним велосипед. Жорик оглядывается назад, чтобы проверить, не сильно ли отстала бабушка, и прибавляет скорость.

С чувством собственного достоинства, внешне не обращая на них внимания, но пристально следя за мальчишками краешком глаза, он на полном ходу равняется с ними. Жорик на вершине блаженства.

– Восьмерка, – вдруг брезгливо произносит один из мальчишек, тыкая пальцем в велосипед Жорика.

– Гы, гы, гы, – хохочут остальные.

Точно оплеванный, Жорик проезжает мимо, чувствуя, как к его горлу подкатывает ком. Сдерживая слезы, он еще несколько раз жмет на педали. Но ноги уже не слушаются его. Они, как и его руки, становятся ватными. Жорик останавливается. Он слышит, как мальчишки за его спиной все еще продолжают хохотать.

– Что такое, внучек? – спрашивает Жорика нагнавшая его бабушка.

– Восьмерка, – шепчет Жорик.

– Что за восьмерка? – не понимает бабушка.

– Не знаю, – хнычет Жорик. – Мальчишки сказали, что на велосипеде восьмерка.

– На колесе, что ли? – уточняет бабушка.

– Я не знаю, – уже в полный голос рыдает Жорик. – Они сказали, что восьмерка.

– Они идиоты, – констатирует бабушка. – От идиотов рожденные. Поехали дальше.

Но Жорик не может: руки и ноги у него словно чужие, и он лишь беспомощно корчится, стараясь сдвинуть велосипед с места.

– Что, опять? – обреченно спрашивает бабушка.

– Ага, – кивает Жорик.

– Вот беда, – качает головой бабушка. – Из говна ты у нас

пуля.

От этих слов Жорик начинает рыдать еще сильнее.

– Слезай, – командует бабушка. – Иди помаленьку пешком. А я велосипед покачу. Давай. Нагулялись.

3

Осенью бабушка идет работать в заводской медпункт, откуда два года назад вышла на пенсию.

– Денежки лишними не будут, – приговаривает она.

Жорику нанимают няню – бабушку Лиду. От нее исходит уютный стариковский запах, а сама она именно такая, какой и должна быть настоящая бабушка, – толстая и добрая.

Медпункт, где работает его собственная бабушка, находится где-то далеко-далеко, на заводе имени Ильича. Жорик никогда не бывал в том районе и даже не представляет, как туда можно добраться.

– Хочешь – съездим и посмотрим? – в один прекрасный день неожиданно предлагает бабушка Лида. – Проедемся на новом автобусе.

Жорик счастлив. Совсем недавно в городе появились новые, ранее невиданные желтые автобусы-гармошки компании «Икарус». Но ездить на них Жорику было решительно некуда. И теперь повод нашелся.

– Мы не заблудимся на Ильича? – интересуется он на всякий случай у бабушки Лиды.

– А мы и выходить не будем, – заговорщически сообщает та. – До конечной и обратно домой.

– Ладно, – радостно кивает Жорик.

И вот они с бабушкой Лидой садятся на длиннющий автобус и едут на нем через весь город. Жорик никогда не думал, что он такой большой. Но даже и большой город заканчивается.

– Вылезайте, – мрачно требует водитель, выйдя из своей кабины. – Конечная.

– А мы по кругу, – отвечает бабушка Лида.

Водитель багровеет от ненависти к назойливым пассажирам. Наверное, ему жалко, что кто-то ездит так долго в его новеньком автобусе. И Жорик чувствует, что его руки начинают покалывать, словно кто-то одновременно втыкает в них множество крошечных острых иголочек.

– Талончики новые пробейте! – бурчит водитель и уходит обратно в свою кабину, отгороженную от остального салона стеклянной ширмой.

– Обязательно, – доброжелательно кивает ему вслед бабушка Лида.

Пользуясь тем, что автобус абсолютно пуст, они с Жориком пересаживаются на лучшие места, прямо за кабиной водителя. По пути бабушка Лида, как и обещала, пробивает в компостере два новых талончика. И они с Жориком едут весь долгий путь обратно.

Но радости этого дня на этом не заканчиваются. После поездки бабушка Лида ведет Жорика к себе домой. Они с дедом Гришей живут неподалеку, но Жорик бывает у них нечасто.

Сейчас он скачет вокруг бабушки Лиды от счастья. Во дворе, возле гаража он видит выброшенный старый «титан» – огромный черный бак, в котором на газе греют воду. Жорик подбегает к нему и пинает изо всех сил ногой. Неожиданно из недр «титана» вылетает клок сажы. Подхваченный легким ветерком, он, поднимаясь все выше и выше, улетает в сторону соседского дома. Воображению Жорика и бабушки Лиды нет предела.

– Он обязательно влетит кому-нибудь в окно, – цокает языком старушка.

– Влетит, все испачкает и полетит себе дальше, – радостно подхватывает Жорик. – И будет так летать, летать...

– И зачем ты пинал этот «титан»! – это опять бабушка Лида.

– Полетит, может быть, куда-нибудь далеко-далеко, в другой город. И будет всех пачкать по пути, – не успокаивается Жорик.

Но тут они приходят к бабушке Лиде. Дед Гриша угощает Жорика конфетой «Курочка Ряба». Он, как обычно, дает ему только одну конфетку. Но Жорик знает, что в следующий визит его снова угостят. Коробка с конфетами ждет его на шифоньере рядом с подкарауливающей Новый год пластмассовой елочкой, которая наряжена шариками и укрыта ватным снегом.

Жорика кормят обедом, затем они с дедом Гришей садятся играть в шахматы. Когда-то дед Гриша объяснил Жори-

ку, как ходят фигурки. Однажды он даже хотел отдать ему свой шахматный набор, но мама Жорика наотрез отказалась принимать такой подарок и сама купила ему шахматы. Она предложила брать их с собой, когда он идет к деду Грише. Но Жорик никогда этого не делает. Передвигать фигурки на потертой от времени доске деда Гриши куда интереснее.

По вечерам Жорик любит посидеть с мамой на скамейке возле подъезда. Людей здесь всегда собирается много. И даже сейчас, когда утомленный долгим летним днем город накрыла тьма, скамейки не пустуют.

На одной из них, в самом уголке примостилась Надежда Васильевна – пенсионерка с первого этажа. Напротив нее, откинувшись назад и раскинув руки в стороны, на спинку, чтобы не мешать своему огромному животу, сидит дядя Ленья из семнадцатой квартиры.

Жорик доволен. Они привык сидеть со взрослыми, слушая их непонятные разговоры. Но тут из подъезда выходит Валька. Эта девчонка живет на третьем этаже. У нее длинные рыжие волосы и зеленые глаза. Жорик тушует, когда она смотрит на него. Она уже почти взрослая, может быть, даже уже где-то работает. Но Жорик не может назвать ее тетей. Она не похожа на взрослых женщин, которых он знает.

Валька здороваается и присаживается на скамейку прямо рядом с Жориком. Жорик съеживается, боясь нечаянно коснуться Вальки. Он недоволен. Приятный вечер можно считать испорченным. Напряжение растет. Валька о чем-то разговаривает с дядей Леней. Но Жорик ничего не слышит. Его сердце от волнения так сильно бьется в груди, что в голове

стоит неумолчный, как шум морского прибоя, гул.

Ситуацию разряжает вышедший из подъезда Сергей Павлович.

– Вечер добрый, народ, – приветствует он соседей.

– В ночную, сталевар? – уважительно спрашивает его дядя Леня.

Сам он работает начальником участка на прокатном стане. Работа непростая. Но все-таки сидеть в каптерке с видом на вальцовочные барабаны и стоять у разверстой пасти мартеновской печи – это совсем ни одно и то же. Рабочий люд дядя Леня искренне уважает, понимая, что на таких именно простых мужиках держится вся огромная страна.

– К печке, куда же еще, – бурчит Сергей Павлович хриловатым голосом закоренелого курильщика и, надсадно закашлявшись, достает из кармана широких парусиновых брюк мятую пачку «Беломора».

– Погоди, Серега, на, возьми слабенькую на дорожку, – суетится дядя Леня, вставая со скамейки и протягивая Сергею Павловичу пачку «Столичных». Бери, бери. Сейчас я тебе огонька дам.

– С фильтром, – то ли одобрительно, то ли пренебрежительно хмыкает Сергей Павлович, с трудом доставая заскоружными пальцами сигарету из жесткой картонной пачки.

– На дорожку самое то, – кивает дядя Леня, щелкая бензиновой зажигалкой в виде маленького пистолетика. – Как раз пока до автобуса дойдешь.

Жорик вспоминает, как прошлой осенью они с бабушкой Лидой ездили на автобусе на завод Ильича. Сергей Павлович тем временем закуривает и вновь заходится удушливым кашлем, кивая дяде Лене в знак благодарности.

– Что, пошел? – спрашивает дядя Леня.

– Время, – вздыхает Сергей Павлович.

Когда он поворачивается, его сутулость становится особенно заметной. Подкрахмаленная бежевая рубашка стоит на спине пузырем, зрительно превращая его практически в горбуна. Несмотря на свою худую, почти тщедушную фигуру, он идет тяжело, с видимым трудом переставляя ноги, обутые в не по-летнему тяжелые осенние туфли.

– Пошел Серега работать, – выдыхает дядя Леня и, проводив Сергея Павловича долгим взглядом, вновь переключает свое внимание на зеленоглазую Вальку.

Стараясь не задеть девушку, Жорик все сильнее жметя к маминому боку.

– Ты чего, боишься меня? – неожиданно фыркает над его ухом Валька.

Жорик и не заметил, как ее разговор с дядей Леной закончился, и теперь девушка обратила внимание на него.

– Боишься? – насмешливо повторяет Валька.

Жорик упрямо молчит, чувствуя, как его лицо начинает гореть.

– Чего молчишь? – продолжает свою экзекуцию Валька.

Она придвигается ближе, касаясь ноги Жорика своим бед-

ром. От этого Жорик становится совсем нехорошо.

– Он у нас такой, – извиняющимся тоном говорит мама, – молчит или плачет.

Жорик укоризненно смотрит на маму, которая почему-то оказывается на стороне Вальки. Он не понимает такого предательства. Валька наклоняется к нему, и руки Жорика становятся ватными.

– Не смущай парня, – хихикает Надежда Васильевна. – Вот вырастет – жених будет.

– Из говна пуля, – вспоминает Жорик слова бабушки, а вслух огрызается на Надежду Васильевну: – Не буду!

– Будешь, – смеется Валька и гладит его по ноге своей маленькой и горячей рукой.

Жорик не выдерживает. Он вскакивает со скамейки, стряхнув с себя Валькину руку, и бросается к двери подъезда. За своей спиной он слышит чей-то смех.

Приближается Новый год. Мама с Жориком идут на площадь и покупают елку. Мама несет ее домой, держа наперевес, как копье. Жорик тащится рядом, собирая прибаутки прохожих: «помог бы маме», «елочку купили сынку, а несет ее мама», «большой мужик, а елку мама тащит». Наконец они приходят домой. Елку выносят на балкон. Там она дожидается, когда у бабушки будет выходной.

И вот этот день настает. Бабушка берет металлический совок для мусора (иной лопаты в доме просто нет) и ведро. Она идет во двор, где в детской песочнице набирает в ведро песка, слой за слоем тщательно утрамбовывая его кулаком.

Ведро ставят в большой комнате возле окна. Елку достают с балкона, бабушка топором заостряет ее ствол и втыкает в ведро с песком. Затем ведро оборачивают калькой, украшенной звездочками из золотой и серебряной фольги.

Жорик любит украшать елку. На этот раз это особенно приятно, потому что они с мамой купили гирлянду. Жорик крутится вокруг елки, обвивая ее проводами. Он старательно насаживает зажимы гирлянды на непослушные и толстые елочные лапы, отчего пальцы его вскоре оказываются исколотыми острыми хвоинками и начинают слипаться от смолы.

Затем настает время игрушек. Жорик развешивает их,

строго следя за тем, чтобы они были распределены по елке более или менее равномерно. У Жорика есть любимые игрушки: две желтые машинки из дутого стекла, солдатик в буденовке, фиолетовый шарик, который в своем детстве вешала на елку его мама. Этим игрушкам припасены лучшие места на центральных ветках, обращенных внутрь комнаты.

Украшение елки заканчивается под вечер. Темнота за окном словно приглашает зажечь гирлянду. Неоновые свечи горят неярким оранжевым светом. Кажется, что елка усеяна живыми и теплыми огоньками мерцающего пламени.

Жорик все еще верит в Деда Мороза. Они с мамой заранее обдумывают, что бы он хотел получить от волшебника. И в новогоднюю ночь подарки неизменно оказываются в его кровати. Поэтому 31 декабря Жорик старается лечь спать пораньше. Но уснуть в ожидании подарка просто невозможно. Жорик вертится с боку на бок, плотнее зажмуривает глаза. Но сон еще долго не приходит. Наконец он проваливается в него, а потом просыпается среди ночи, и коробка, обернутая цветной бумагой, шуршит у него в ногах. Он будит маму, они включают свет, и Жорик принимается исследовать подарок.

Но в этот год Жорик начинает что-то подозревать. Оставшись дома один, он обшаривает всю квартиру и обнаруживает подарок на антресоли над кухонной дверью. Как ни странно, Жорика это нисколько не разочаровывает. Жизнь уже давно кажется ему почти сплошным огорчением.

Поскольку бабушка продолжает работать, а няню нанять становится слишком дорого, Жорика решают отдать в детский сад. Он находится в соседнем дворе. Жорик с мамой часто ходят сюда, чтобы купить стаканчик жареных семечек. Ими торгует бабка, сидящая на скамейке возле подъезда. Но от этого Жорику, когда мама впервые приводит его в детсад, становится еще хуже. Его дом совсем близко, но вернуться туда нельзя.

Мама открывает скрипучую дверь, покрытую потрескавшейся от времени зеленой краской, и они проходят внутрь.

– Здравствуйте, – говорит мама встретившей их тетке в белом халате – то ли медичке, то ли поварихе, – вот, привела.

В детском саду стоит полная тишина, отчего у Жорика по коже начинают бегать мурашки.

– Дети сейчас на площадке во дворе, – сообщает маме тетка.

Это объясняет тишину. Но тревоги Жорика только усиливаются: если ему так плохо здесь сейчас, с одной этой незнакомой теткой в белом халате, то как же невыносимо ему станет, когда сюда вернуться эти жуткие мальчишки и девчонки!

– Нам сказали прийти к десяти, – тем временем растерянно говорит мама.

– Да, я знаю, – говорит тетка. – Я пока отведу его в изолятор.

– Хорошо, – кивает мама.

– А вы можете идти, – говорит тетка.

Мама снова кивает и поворачивается к выходу. И тут Жорик начинает реветь. Он хватается за мамину руку, и слезы градом катятся у него из глаз.

– Такой большой мальчик, – пожимает плечами тетка.

– Домашний, – извиняющимся тоном говорит мама.

– Не оставляй меня здесь! – причитает Жорик, давясь сдавливающим горло комком.

Мама с трудом вырывает руку и уходит. Жорик остается один на один с теткой в белом халате. В детском саду стоит незнакомый ему запах – невыносимая смесь хозяйственного мыла, хлорки и пищеблока. Жорик думает, что уже никогда не выйдет отсюда.

Тетка отводит его в изолятор и дает на завтрак вареное вкрутую яйцо. Жорик терпеть не может яйца. Особенно желток, которым он постоянно давится. Но он боится разозлить тетку в белом халате. Давясь непослушным желтком, который прилипает к небу и никак не хочет проглатываться, Жорик старательно пытается сдержать наворачивающиеся на глаза слезы. По-видимому, у него ничего не выходит, потому что тетка внимательно смотрит на него и укоризненно говорит:

– Такой большой мальчик...

Жорик в ответ, уже не таясь, всхлипывает и с ненавистью смотрит на тетку.

– Ладно, пойдём в группу, – говорит тетка, протягивая ему руку.

Жорик икает от так и не прожеванного толком желтка и чувствует, что жизнь его закончилась бесславно и внезапно. Ведь в детском саду нет бабушки или мамы, чтобы защитить его от ужасных дворовых детей.

Однако неожиданно в детском саду у Жорика появляется друг. Его зовут Вовка Зубко. И он единственный, кто не отнимает у Жорика игрушки, которые покупает ему мама и которые он приносит с собой в детский сад. Наоборот, Вовка готов сам подарить ему весьма ценную вещь.

– Смотри, – говорит Вовка в одно прекрасное утро, – у меня есть два стеклянных шарика: желтый, как Луна, и белый, который слепит глаза, когда на него смотришь. Я тебе один подарю. Ты какой хочешь?

И Вовка протягивает Жорику ладонь, на которой действительно лежат два стеклянных шарика.

– Как Луна, – сразу же говорит Жорик.

Но в ту же секунду ему становится стыдно. Если уж они друзья, Жорик должен был выбрать тот шарик, который похуже. А хуже, конечно же, тот, что слепит глаза. Это всем понятно. Вовка сам на это прозрачно намекнул. Жорик смущается.

– Молодец, – несколько не обидевшись, одобряет его решение Вовка, – я бы тоже желтый выбрал.

От этих слов Жорик смущается еще больше. Но Вовка от чистого сердца уже протягивает ему желтый, как Луна, шарик.

Вечером Жорик показывает его маме.

– Ты тоже должен что-нибудь подарить Вовке, – говорит мама.

Все еще остро чувствуя свою вину перед Вовкой, Жорик с готовностью кивает. В ближайшую субботу они идут в «Детский мир», где мама покупает две маленькие грузовые машинки – одну с желтым кузовом, а другую с коричневым.

– Выбирай любую, – говорит в понедельник Жорик Вовке, протягивая ему оба грузовика.

И Вовка, конечно же, выбирает ту, что с желтым кузовом. Но Жорика это абсолютно не расстраивает. Ведь они с Вовкой друзья. Они играют в песочнице с машинками до самого обеда, когда воспитательница Раиса Федоровна отводит их группу в столовую.

Воспитательниц у них две. Они поочередно работают в первую и вторую смены. Одну, ту, что моложе, зовут Раисой Федоровной, другую – Валентиной Петровной.

Валентина Петровна старенькая, с седыми кудряшками. Жорик ей нравится гораздо больше Раисы Федоровны. Потому что Валентина Петровна добрая и не кричит на них так, как это делает Раиса Федоровна. Когда та укладывает их спать на тихий час, Жорик радуется. Он знает, что, когда он проснется, за столом в игровой комнате уже будет сидеть Валентина Петровна.

– Тише, мыши, кот на крыше. А котята еще выше, – нараспев говорит Валентина Петровна. – А ребята еще выше...

– А Валентина Петровна еще выше! – радостно подхватывает вместе со всеми Жорик.

Он счастлив: у него есть друг, есть Валентина Петровна и желтый, похожий на Луну, стеклянный шарик.

Бабушка Жорика опять выходит на пенсию. И теперь с ним сидит она. Так что ходить в детский сад больше не нужно. Вовка Зубко несколько раз приходит к Жорику в гости. Однажды они даже идут одни в парк, что находится через дорогу. Когда Жорик возвращается домой, он находит маму в панике.

– Почему ты ничего не сказал мне или бабушке? – требует мама.

Жорик лишь молчит и мрачно смотрит в пол.

– Никогда больше так не делай! – кричит мама. – И с этим Вовкой Зубко больше не играй. Он хулиган, и он плохо кончит. Слышишь?

– Угу, – все так же мрачно глядя в пол, кивает Жорик.

Когда Вовка в следующий раз приходит к нему в гости, мама Жорика долго распекает его за прошлую прогулку. Вовка молча кивает, полностью соглашаясь с мамой Жорика. Потом он уходит и больше уже не возвращается. Так что Жорик остается с мамой и бабушкой.

Бабушка курит папиросы «Беломор». Она лихо заламывает мундштук пальцами и прикуривает, прикрывая спичку рукой. Это привычка еще с войны. Бабушка была медсестрой и воевала с фашистами. А еще на фронте она привыкла

пить спирт. По крайней мере, так Жорику объясняет мама. Сама бабушка не любит вспоминать о войне.

– О войне рассказывают только те, кто никогда не воевал, – говорит бабушка. – Не было там ничего хорошего.

– Кроме спирта, – думает Жорик.

А спирт наверняка вещь хорошая, потому что бабушка никак не может побороть в себе эту оставшуюся с фронта привычку. Правда, после выхода на пенсию она пьет уже не медицинский спирт, а водку. Водочные бутылки нравятся Жорику. Их пробки с козырьками напоминают кепки.

– И я хочу водки, – говорит Жорик.

– Еще чего, – хихикает бабушка.

Выпив водки, она становится веселой. Жорик тоже хочет стать таким.

– Отчего люди пьянеют? Мне кажется, я могу выпить целую бутылку, и мне ничего не будет, – храбро заявляет он.

– Да ты помрешь от бутылки, – огрызается бабушка и наливает себе еще одну рюмку.

Жорик обиженно уходит из кухни, где бабушка пьет водку. Он знает, что скоро мама вернется с работы и будет ругаться с бабушкой из-за этой водки. Всякий раз, когда Жорик слышит мамины крики, он вздрагивает, хватается альбомом и карандаши и забивается в дальнюю комнату, где пытается рисовать. Но руки его начинают дрожать. Потом они становятся ватными. И карандаши выпадают из них. Так что водка – это не совсем весело.

Каждый вечер перед сном мама читает Жорику книжку. Жорик любит волшебные сказки и многие знает почти наизусть. Книг в доме много, ими уставлен целый шкаф. Но даже этого запаса не хватает. Поэтому время от времени мама с Жориком ходят к Ефиму Юльевичу – маминому сослуживцу, у которого дома имеется огромная библиотека и который дает им почитать ту или иную книгу. Дома мама аккуратно оборачивает ее калькой, которую приносит с работы, чтобы не испачкать переплет.

Иногда, когда в городе идет в прокате какой-нибудь иностранный фильм, мама с Жориком ходят в кино. Жорик любит французские и итальянские комедии. Когда вырастет, он тоже хочет жить так же весело, как герои этих лент. Жалко только, что хорошие комедии идут в кино довольно редко.

– Когда-нибудь мы купим телевизор, – обещает Жорику мама, и Жорик радостно кивает в ответ.

Мама уже давно откладывает деньги на телевизор со своей зарплаты. И вот счастливый день настает. Они идут в магазин всей семьей. Обрато мама с бабушкой тащат вдвоем ящик с телевизором, а Жорик торжественно несет в руках комнатную антенну.

– Не потеряй ее, – говорит ему бабушка, – а то телевизор

без нее не будет ничего показывать.

Жорик послушно кивает и еще сильнее сжимает антенну в своих руках, по которым опять начинают бегать предательские мурашки.

Жизнь Жорика с приобретением телевизора существенно меняется. Теперь он может смотреть передачу «В мире животных». А по субботам мама разрешает ему лечь спать попозже. Жорика закутывают в одеяло на диване в большой комнате, где стоит телевизор и где спит бабушка, и они все вместе смотрят программу «Время», а потом еще и художественный фильм, который показывают после прогноза погоды.

Жорик любит животных, и они с бабушкой покупают на базаре хомяка. Хомяк издает странные звуки, похожие на скрип. Поэтому Жорик так его и называет.

Их сосед Иван Матвеевич, муж Надежды Васильевны, который работает плотником, делает Скрипу просторную клетку с домиком внутри. Иногда Скрип протискивается между прутьев клетки и выходит погулять. Душными летними вечерами он влезает по шторке на подоконник, пересекает его по направлению к открытому окну и выходит на отлив, где сидит, созерцая закат своими черными цыганскими выпуклыми глазками. Опасаясь, что он упадет вниз с третьего этажа и разобьется, Жорик, затаив дыхание, подкрадывается к окну и забирает хомяка, зажав в горсти.

А еще Скрипу нравятся книги. Причем на вкус. Он поедает их, вдумчиво вгрызаясь в корешки. Дверки книжного шкафа разбухли и открываются весьма туго. Когда мама ищет для Жорика какую-нибудь книжку, ей стоит больших трудов их сдвинуть. Когда же шкаф все-таки бывает открыт, книга найдена, а дверки ценой невероятных усилий возвращены в исходное положение, Жорик с мамой обреченно слышат в мебельных глубинах шуршание поедаемой целлюлозы. И всю процедуру – открытие дверей, переборка книг, за-

движка дверок – приходится повторять, извлекая попутно чтеца.

Смерть Скрипа становится первой невосполнимой потерей Жорика в жизни. Хомяк бежит по полу в большой комнате и внезапно падает. Когда бабушка подбирает его, ободок его крошечного ротика синееет.

– Разрыв сердца, – констатирует бабушка.

Жорику кажется, что разорвалось его собственное сердце. Его руки становятся ватными, а в голове точно бьет чугунный колокол. Они с бабушкой кладут Скрипа в маленькую коробочку, относят через дорогу в парк и зарывают под деревом.

– Я его никогда не забуду, – говорит Жорик, утирая текущие по щекам слезы все еще непослушными руками.

И он держит слово. На полу возле шкафа, на том самом месте, где умер Скрип, Жорик ставит укрепленный на проволочке красный флажок.

После исчезновения Вовки Зубко единственными друзьями Жорика остаются две соседские девчонки – Ленка и Янка. Янка на год младше Жорика. Она не достает до дверного звонка и вынуждена стучать. Когда Жорик слышит стук в дверь, он знает, что за ним зашла Янка, чтобы позвать его на улицу, и бежит одеваться.

Жорик с девчонками строят замки в песочнице и ходят покупать семечки в соседний двор, где находится детский сад. Большой стакан семечек стоит 15 копеек, а маленький – 10. Если есть деньги, то в аптеке можно купить аскорбиновую кислоту или глюкозу, чтобы закатить пир на весь мир.

Впрочем, летом на улице и так полно всяких вкусностей. Стадион соседней школы обсажен дикими маслинами с узкими серебряными листочками. Их плоды – терпкие и кисло-сладкие. А еще можно есть цветки акации. Жорик прекрасно знает, что белые вкуснее розовых и сиреневых.

В заброшенном саду через дорогу, который стал частью парковой зоны, Жорик с подружками лакомятся жерделями и вишней. На вишневых деревьях есть натеки смолы, которые можно жевать, как жвачку, которую детям из богатых семей родители покупают в торгсине. А еще они густо увешаны шустрыми волосатыми гусеницами, которых Жорик ужасно

боится.

Растут в саду и грецкие орехи. Поверх скорлупы они покрыты толстой зеленой коркой. Эту корку, оставляющую на руках удивительно стойкий буроватый, как от йода, налет, нужно стереть об асфальт. И только потом можно расколоть орех камнем, чтобы добраться до сердцевины.

Когда на улице идет дождь, друзья собираются у кого-нибудь дома. Интереснее всего бывает у Янки. У нее есть старший брат Артур, которого Жорик немного побаивается. Когда вырастет, он хочет стать таким же: иметь катушечный магнитофон с огромными колонками и коллекционировать сигареты в красивых пачках, которые моряки привозят из-за границы.

Впрочем, в восьмом или девятом классе Артур начинает курить и безжалостно скуривает всю свою коллекцию сигарет. От этого Жорик начинает восхищаться им еще больше.

Когда Жорик приходит к Янке, Артур иногда врубает им магнитофон. Незвестные Жорику исполнители поют на иностранных языках. Такую музыку никогда нельзя услышать на радио или по телевизору. И Жорик окончательно решает положить жизнь на то, чтобы в будущем стать таким, как Артур.

Однажды, когда Янка с Жориком играют в большой комнате, с улицы начинает звучать такая же, как у Артура, музыка. Артур, который в это время выбирает, какую пачку сигарет из своей коллекции скурить следующей, напряженно прислушивается.

– Это из дома напротив, – предчувствуя его вопрос, голо-

сом провокатора сообщает Янка.

– Перекричим? – предлагает Артур скорее самому себе, нежели Жорику с Янкой, которые, однако, с готовностью кивают.

И Артур, полностью распахнув балконную дверь, врубает магнитофон на всю мощь. Восхищение Жорика Артуром переходит в стадию поклонения.

Это чувство переходит на всю соседскую семью, когда в один прекрасный день тетя Фая, Янкина мама, с радостью в глазах гордо сообщает маме Жорика, что они купили... цветной.

Это первый цветной телевизор в их подъезде. И теперь Жорик иногда по выходным приходит к Янке, чтобы посмотреть по нему «В мире животных» или «Клуб кинопутешествий». Телевизор некондиционный, так что постоянно перегревается. Поэтому его задняя крышка снята, и к нему для охлаждения ламп приставлен вентилятор, который гудит в такт с самим телевизором.

Цвета на экране кислотно-ядовитые. Но Жорик не придает значения подобным мелочам. Он смотрит на неимоверно красную лысину Юрия Сенкевича, который ведет «Клуб кинопутешествий», и чувствует себя на вершине блаженства. Когда-нибудь мама накопит больше денег, и они тоже купят себе такой же телевизор.

В подвале дома, где живут Жорик и Янка, размещается мастерская художников. Художникам нужны натурщики, поэтому они стараются наладить отношения с местными детьми.

Работа моделью – тяжкий труд. Янка сидит на стуле, вперив взгляд куда-то вдаль. Жорик стоит рядом, гордо вскинув голову и вытянув вперед правую руку. Такие позы им придали художники, которые старательно зарисовывают получившуюся композицию.

– Не устал? – заботливо спрашивает один из них Жорика.

– Нет, – геройски мотает головой Жорик, хотя уже почти не чувствует онемевшую руку.

– А ты? – интересуется художник у Янки.

– А я, когда устаю, тут же, на стуле и отдыхаю, – дипломатично отвечает Янка.

– Ладно, хватит на сегодня, – говорят добрые художники. – Завтра придете, ребята?

– Угу, – в унисон кивают Жорик и Янка.

И они держат слово. Они приходят в мастерскую снова и снова. В благодарность художники дарят им полупрозрачные разноцветные камешки, из которых потом выкладывают мозаику. Одни своей зеленоватой глубиной напоминают изу-

мруды, другие похожи на кровавые рубины. Есть камешки синие, желтые и фиолетовые. Некоторые из них почти прозрачные. Но есть и те, что отличаются густым цветом. Через них можно смотреть на Солнце, которое выглядит, как зеленый или малиновый шар.

– Это будет мозаичное панно на стене Дворца пионеров в Славянске, – объясняют художники конечную цель всей работы.

– И мы будем изображены на этой стене? – спрашивает Янка.

– Да, – кивают художники. – Только вы будете в школьной форме.

– А мы еще не ходим в школу, – разводит руками Янка.

– Это ничего, – улыбаются художники.

– А мозаика долго сохранится? – интересуется Жорик.

– Несколько десятилетий, – кивают художники. – Может, даже дольше.

– Значит, мы уже вырастем, а на той стене так и останемся детьми? – для полной ясности уточняет Жорик.

– Совершенно верно, – кивают художники.

– Здорово, – в один голос выдыхают Жорик и Янка.

В десяти минутах ходьбы от дома, где живет Жорик, начинается море. К нему нужно идти через превращенный в парк сад с жердеями, вишнями и волосатыми гусеницами. На пляж можно спуститься по лестнице или по мраморным развалинам старых греческих вилл, где белые ступеньки перемежаются с обломками не менее белых колонн.

Жорик не очень любит лежать на пляже. Люди вокруг постоянно что-то едят. А с тех, кто выходит из моря и идет к своей подстилке, на Жорика постоянно срываются капли, которые, попадая на разогретую солнцем кожу, кажутся ледяными. Жорик всякий раз вздрагивает и спрашивает маму:

– Скоро пойдем домой?

– Подожди еще, – отвечает мама, – только ведь пришли.

– Мне жарко, – ноет Жорик.

– Лежи, – повышает голос мама.

Жорик затихает. Он ждет. На обратном пути мама каждый раз устраивает ему пиршество. Она покупает бутерброды с сильно перченой ветчиной и бутылку сидро.

Впрочем, они ходят к морю не только для того, чтобы полежать на пляже. На водной станции катают на катерах. Причем нужно, чтобы набралось пять пассажиров. Люди в очереди к кассе быстро организуют временные союзы, кратные

этой цифре. И вот заветные билеты куплены.

– Моторист катера номер три (или два, или пять), к вам идут пассажиры! – объявляет кассир через динамик, висящий на водной станции.

Поездка длится полчаса. Катер удаляется от берега и проходит мимо порта. Жорика обдувает свежий морской воздух с брызгами волн. Иногда мама разрешает ему взять с собой Янку или Ленку. Такие катания, естественно, нравятся Жоррику больше всего.

Раз в год из Мурманска приезжает в отпуск бабушка Зоя. Это сестра бабушки Жорика, которая, когда самого Жорика еще не было на свете, перебралась на Север.

Приезд бабушки Зои каждый раз сулит Жорикю настоящий праздник. Это единственный раз в году, когда он ездит на такси. Такси заказывают заранее: в аэропорт и обратно. Минут за десять до назначенного времени прибытия машины бабушка начинает суетиться.

– Давай, собирайся, – торопит она Жорика, хотя Жорик и так уже давно готов к выходу из дома. – Глянь-ка, не подошла еще машина?

Жорик бежит к окну и радостно сообщает:

– Стоит какая-то. Наша, наверное.

– А чья же еще? – нервничает бабушка. – Беги скорее, скажи, что мы выходим! А то уедет еще – дорого не возьмет.

Но Жорик стесняется идти один к машине и разговаривать с шофером. Поэтому он старательно тянет время, давая бабушке возможность опередить его.

– Вот же из говна пуля, – качает головой бабушка. – Что же ты так копаешься?

Наконец они вместе грузятся в машину. Жорик садится на переднее сидение и никак не может сообразить, как нужно

пристегивать ремень безопасности.

– Да не через голову его надевай, пацан, – бурчит недовольный таксист. – Накинь через грудь.

Жорик паникует. Он боится, что его руки опять станут ватными и он вообще не сможет пристегнуть ремень. Но ему все-таки это удастся. Теперь он может разглядывать из окна проносящийся мимо пейзаж.

Жорик любит ездить на машине. Но поездку омрачает одна сложность: Жорик не помнит, какую ручку надо дергать, чтобы открыть дверку изнутри. Снаружи все просто: ручка одна. А вот с внутренней поверхности на дверке имеется несколько ручек, рычажков и еще каких-то приспособлений. Жорик помнит, что произошло в прошлом году, когда он по ошибке стал дергать рукоятку, опускающую стекло.

– Чаще на машине надо ездить, – брезгливо сказал ему тогда таксист.

Таксисты – народ привилегированный. Они целый день колесят по городу и говорят гадости своим пассажирам, которые на них за это не обижаются. Таксисты никогда не дают сдачи, и поэтому у них много денег. А еще они могут за бесценок купить свое такси, когда его списывают. Когда вырастет, Жорик тоже хочет стать таксистом. Но это будет еще не скоро. А пока он мучительно скашивает глаза на дверку, чтобы понять, какую же все-таки ручку надо дергать, чтобы ее открыть.

Бабушка Зоя приезжает с большим чемоданом и сумкой.

Жорик знает, что в сумке лежат апельсины. Он любит апельсины. Бабушка Зоя распаковывает чемодан, а Жорик стоит рядом и старательно ждет, когда же дело дойдет до сумки. Кроме апельсинов в сумке есть еще копченая рыба и банки с тресковой печенью. Наконец Жорика выдают апельсин, который он чистит, вгрызаясь зубами в толстую корку. Апельсин немного пахнет рыбой, но Жорика это нисколько не смущает.

– Чего немывтый-то жрешь? – одергивает Жорика бабушка.

– Я мыла в Мурманске, – вступается за него бабушка Зоя. Для бабушки Зои достают из кладовки раскладушку. Она спит в большой комнате вместе с бабушкой, потому что они обе ужасно храпят.

– Я сама лягу на раскладушку, – каждый вечер проявляет радушие бабушка Жорика.

– Ай, старая, – хмыкает бабушка Зоя, – ложись уже на диван. Я в Мурманске еще отосплюсь.

Когда лето заканчивается и загорать на пляже уже нельзя, Жорик с мамой ходят гулять в порт. Сразу за морвокзалом начинаются причалы. Суда-контейнеровозы привозят сюда из Греции и Марокко апельсины. Жорик с мамой блуждают в лабиринте из выгруженных контейнеров, который напоминает целый город со своими улицами и тупиками. Контейнеры поставлены друг на друга в два ряда и их верхушки загораживают небо.

Терпкий до горечи запах тысяч тонн апельсинов настолько силен, что кажется почти осязаемым. Но купить их в магазине нельзя. Наверное, их все увозят в Мурманск, откуда бабушка Зоя привозит их обратно.

– У нас там Север, – говорит бабушка Зоя Жорику во время своего очередного отпуска, – поэтому снабжение по первой категории.

– А у нас по какой категории? – интересуется Жорик.

– А у вас тут Хохляндия, – хмыкает бабушка Зоя, – вам никакой категории не положено.

– Мы живем на Украине! – обиженно говорит Жорик, которому почему-то больше не хочется апельсинов.

Впрочем, когда к Новому году бабушка Зоя присылает им посылку с неизбывными апельсинами, Жорик уже забывает

о причиненной ему обиде.

На работе коллега-морячка угощает маму Жорика жвачкой. И мама, естественно, приносит ее Жорику. До этого Жорик никогда не пробовал жвачки. Он жевал вишневую смолу или доставал из пробок от пустых флаконов из-под духов резиновые уплотнители и жевал их. Но в тот вечер мама, придя с работы, протягивает ему подушечку настоящей мятной жвачки.

Жорик старательно жует ее весь вечер и чувствует себя королем мира. А на следующий день, когда мама ведет его погулять, случается несчастье: Жорик нечаянно роняет жвачку в песок. Его горю нет предела. Пока он плачет, мама аккуратно очищает беленький комочек от налипших на него песчинок и возвращает жвачку Жорику.

Жорик берет ее ватными и от этого непослушными руками и снова начинает жевать. Время от времени на его зубах хрустит так и оставшийся на жвачке песок, но Жорик не обращает на такие мелочи никакого внимания. Вечером он аккуратно кладет жвачку на стол и на следующий день снова ее жует.

– Третий день? – удивляется соседка, которой мама Жорика рассказывает о его новом увлечении. – Она же ничем уже не пахнет!

Жорик с ненавистью смотрит на соседку.

– Нет, пахнет, – думает он. – Очень даже пахнет!

Пока мама на работе, Жорик с бабушкой идут в кино. И хотя на афише «Фантомас» с Жаном Маре и Луи де Фюнесом значится комедией, Жорика фильм пугает. Он напряженно всматривается в чехарду сменяющих друг друга масок и чувствует, как его сердце начинает колотиться в груди, словно стремясь выпрыгнуть наружу.

– Давай уйдем? – шепчет он бабушке.

– Сиди, – отвечает та.

– Мне нехорошо, – шепчет Жорик.

– Никуда с тобой больше не пойду, – говорит бабушка. –

Скоро уже закончится, дождемся.

Всю дорогу домой Жорик почти не чувствует ног. Вслед за его руками они тоже становятся ватными и оттого крайне ненадежными.

– Что ты все шатаешься, как пьяный? – дергает его за руку бабушка.

Жорик ничего не отвечает, а лишь клацает зубами от холода.

– Сейчас бабушка скажет: «Из говна пуля», – думает он.

Но бабушка молчит до самого дома.

– Я не думаю, что это комедия, – говорит Жорик, когда мама спрашивает, понравился ли ему фильм. – Очень страш-

но все время.

– В следующий раз сама с ним иди, – бурчит бабушка.

– Тебе тяжело? – заводится мама. – Больной ребенок!

– Больной на голову, – огрызается бабушка.

– А хоть бы и так! – кричит мама. – Частный врач сказал, что ему будет тяжело!

Ночью Жорик не может заснуть. Он лежит в кровати и его пробивает озноб.

Жорик мечтает о фломастерах. Купить их можно только в торгсине за бонны. А никаких бонн у мамы Жорика нет. Но Жорику хочется рисовать.

– Мы поедем в универмаг и что-нибудь найдем, – говорит отчаявшемуся Жорику мама.

– В маге нет фломастеров, – удрученно мотает головой Жорик, которые не может выговорить полностью длинное слово «универмаг».

– Посмотрим, – загадочно говорит мама.

На улице льет дождь. А уже темнеющее весеннее небо то и дело раскалывают яркие, как бенгальские огни, молнии. Мама раскрывает зонтик, и Жорик жметя ближе к ней, чтобы укрыться от дождя. Старательно обходя лужи, они идут к остановке. Затем едут четыре остановки на троллейбусе, который умиротворяюще шелестит шинами по мокрому асфальту.

В огромном, залитом светом и забитом людьми универмаге стоит приятный запах озона. И Жорик начинает верить, что здесь действительно есть фломастеры. Но когда они проталкиваются сквозь толпу к прилавку отдела канцтоваров, мечты его рассеиваются.

– Их нет! – печально говорит Жорик маме.

– Давай тогда купим карандаши? – предлагает мама.

– У меня есть карандаши, – вздыхает Жорик.

– Не такие, – говорит мама, показывая на набор цветных канговых карандашей в круглом пенальчике. – Они почти что фломастеры.

– Ага, – радостно выдыхает Жорик.

Мама покупает ему карандаши и набор дополнительных грифелей к ним. И Жорик чувствует, как его охватывает счастье.

– Понесешь сам? – спрашивает мама.

– Нет, – мотает головой Жорик, – положи себе в сумку.

– Почему? – удивляется мама. – Они тебе не нравятся?

– Нравятся, – кивает Жорик.

– Тогда почему в сумку? – допытывается мама.

– На улице дождь, – говорит Жорик, – они намокнут.

– Понятно, – говорит мама, удовлетворенная его объяснением.

На самом деле Жорик врет. Ему очень хочется нести попку самому. И под маминым зонтом он не боится дождя. Но его руки опять от волнения стали ватными. И он понимает, что не сможет удержать в них пенал с карандашами. Но говорить обо всем этом маме он не хочет.

Жорик живет на третьем этаже в девятой квартире. А на первом этаже, в квартире номер три обитает Виктор Федорович. Он стар и одинок. Каждый день около полудня он надевает белоснежную рубашку и отглаженные серые брюки, забирает из почтового ящика газеты и едет обедать в ресторан «Украина», что в центре города, рядом со сквером, где расположен драматический театр. В ресторане Виктор Федорович обедает и читает новости.

А еще он увлекается радиотехникой. В его квартире можно насчитать штук двадцать всевозможных старых приемников. Причем, судя по мигающим лампочкам и доносящемуся из динамиков хрипу, все находятся в более или менее рабочем состоянии.

Жорик знает это не понаслышке. Когда его мама покупает новую радиолу, старую она решает отдать Виктору Федоровичу. Она сама несет ее на первый этаж, а Жорик из любопытства бежит следом.

Виктор Федорович долго сопротивляется, цокает языком и спрашивает, не жалко ли им отдавать столь замечательную вещь. Но мама непреклонна. И тогда старик смиряется и пускает их в квартиру, где мама ставит радиолу на покрытый толстым слоем пыли стол, а Жорик рассматривает странное

жилище.

В шкафу, одна из дверок которого приоткрыта, он видит лежащие на полках штабеля отглаженных белых рубашек. Сама квартира предельно запущена, и в ней царит густой запах паяльной канифоли и табака. Когда-то белые шторы на почти непрозрачном от грязи окне имеют темно-серый тон, а арбузы, которые лежат у Виктора Федоровича в коридоре всю зиму напролет, как и стол, покрыты пылью.

Виктор Федорович закуривает «Беломор» и снова начинает восхищаться радиолой.

– У нее приемник не работает, – объясняет мама. – Только проигрыватель.

– А я починю и верну вам, – еще больше оживляется Виктор Федорович. – Приемник – это пустяки. Сделаем.

– Нет уж, спасибо, – машет руками мама, – у вас ей будет лучше.

– Но ведь в рабочем же состоянии! – не может понять такой щедрости старик. – Я обычно нахожу на свалках такие, которые уже никакие мастерские не берут.

– Берите, ради бога, – начинает терять терпение мама.

– Может, хоть арбузом угоститесь? – предлагает Виктор Федорович, указывая рукой на запыленные бахчевые. – Закашивал через шприц осенью.

– Спасибо, – отчаянно мотает головой мама, – не стоит, мы с сыном лучше пойдем.

И они с Жориком покидают диковинную квартиру номер

три.

На Новый год мама водит Жорика на елки во Дворец культуры. Когда на работе ей дают два пригласительных билета, Жорик берет с собой Ленку или Янку. Тогда праздник получается на славу. Если Жорик идет один, он все время жметя у стенки и сторонится других детей. Ему кажется, что все они знают друг друга, и только он попал сюда случайно.

А еще Жорик любит ходить с мамой и девчонками в театр. Они почему-то все время попадают на один и тот же спектакль. В качестве плохих героев в нем действуют Мухомор и две Поганки. А побеждают, конечно же, добрые силы во главе Боровиком. Но лично Жорику очень нравится Мухомор: он все время оглушительно стреляет из пистолета и поет веселые песни.

Наступает первое сентября, когда мама впервые ведет Жорика в школу. Для первоклашек организована линейка. Перед школой разбит большой сквер. С одной его стороны горит вечный огонь у памятника жертвам фашизма. С другой, той, что выходит к школе, проложена широкая аллея с клумбами и многочисленными боковыми дорожками. Вот там-то, перед школой первоклашек и выстраивают.

Классы А, Б и В стоят рядом. Мама пристраивает испуганного Жорика в самом хвосте. Директор по фамилии Пирч говорит речь, и классные руководители, возвышающиеся, как сторожевые башни, перед колоннами своих новоиспеченных питомцев, ведут их на первый урок. За ними тянутся родители.

По несчастью Жорик примыкает не к своему классу. Учительница рассаживает детей за парты, вдоль стен и в дверях жмутся родители. Жорик, которому достается последняя парта, испуганно оглядывается вокруг, не понимая, куда же делась его мама.

Начинается переключка. Жорик напрягает слух, чтобы в царящем в классе гуле расслышать свою фамилию и тут же вскинуть руку. Но учительница его не вызывает.

– Кого пропустила? – спрашивает она, закончив пере-

кличку.

– Меня! – отчаянно тянет руку с последней парты Жорик.

– Как фамилия? – недовольно интересуется учительница.

Жорик называет, и палец педагога вновь проходится по списку.

– Нет такой, – качает головой учительница. – Как, повтори еще, твоя фамилия?

Жорик уныло, уже не надеясь на чудо, повторяет.

– Ты не туда попал, мальчик, – сурово говорит учительница. – Иди живо свой класс.

И тут Жорик начинает реветь. Он ревет во весь голос, не зная, что же ему теперь делать. Родители поглядывают на Жорика с сочувствием, а учительница начинает выпытывать, кто же он все-таки такой и откуда взялся.

Внезапно появляется мама Жорика, которая пошла вслед за его классом и, не найдя сына там, отправилась на поиски. Она берет Жорика за руку и отводит в нужный кабинет. Жорик продолжает отчаянно реветь.

Его снова сажают за последнюю парту на единственное свободное место. А учительница, которую, как Жорик вскоре узнает, зовут Лилией Александровной, бросает суровый взгляд сначала на него, потом на его маму и раздраженно говорит:

– Да успокойте же вы его.

Отвратительнее дня в жизни Жорика еще не было. Он начинает ненавидеть школу с первого сентября первого класса.

Бабушка Жорика снова идет работать в свой медпункт на огромном и расположенном очень далеко заводе. Так что Жорик вынужден после школы сидеть дома один. Мама периодически звонит ему с работы. Жорик не понимает по часам и боится разговаривать с незнакомыми людьми по телефону. Поэтому мама на куске ватмана рисует ему циферблаты часов со стрелками в том положении, в каком они окажутся, когда она будет звонить. Жорик каждый раз сверяется с рисунками, но все равно берет трубку с опаской.

Но еще больше Жорик боится мрачного полутемного подъезда. Если на скамейке сидит кто-нибудь из соседей, Жорик присаживается рядом, чтобы оттянуть страшный подъем на третий этаж. Хорошо, если соседи живут выше и собираются домой. Тогда можно увязаться вслед за ними. Но чаще всего на скамейке сидит пенсионерка Надежда Васильевна, которая живет на первом этаже. А это значит, что еще два этажа придется пройти в полном одиночестве.

Но дождливым ноябрьским днем на скамейке нет даже Надежды Васильевны. Жорик пару минут переминается с ноги на ногу перед дверью подъезда. Делать нечего – он шагает в мрачное нутро дома. Между первым и вторым этажами, там, где на стене прибиты почтовые ящики, Жорик ви-

дит на полу окурок, который зловеще шипит в капле слюны от плевка.

В глазах Жорика темнеет. Окурок лежит прямо посередине площадки, и его нельзя обойти. Жорика пугает сам этот окурок. Но еще больше он боится того, кто его сюда бросил. Он где-то рядом, раз окурок еще тлеет. Наверное, затаился этажом выше и караулит свою жертву.

Собрав волю в кулак, Жорик стремглав пробегает мимо окурка и бросается вверх по лестнице. На втором этаже никого нет. Он пробегает еще два пролета. Площадка третьего этажа тоже пуста. Жорик дрожащими руками достает из кармана ключ и, напряженно прислушиваясь, не спускается ли кто-то с четвертого этажа, отпирает дверь своей квартиры. Затем вваливается внутрь, захлопывает за собой дверь и запирает ее на замок. Привстав на цыпочки, он долго смотрит в дверной глазок, ожидая, что кто-то страшный спустится сверху и станет ломиться в его квартиру.

Когда вечером мама приходит с работы, Жорика все еще трясет от страха. Так что за ужином он едва может держать вилку, зажав ее в кулак.

– Снова ватные руки? – устало спрашивает мама.

– Угу, – мрачно кивает Жорик.

Всю следующую неделю маме приходится отводить его в школу, потому что он не может нести портфель. Из школы Жорика встречать некому, поэтому, чтобы добраться домой, ему приходится зажимать портфель под мышкой.

Наступает очередной сентябрь, и Жорик переходит в следующий класс. Теперь он учится во вторую смену. Это крайне мучительно. Всю первую половину дня Жорик нервничает из-за того, что ему скоро нужно отправляться в школу. Уж лучше бросаться в учебу, как в омут, с самого утра. Чтобы потом быть свободным.

Особенно тяжело приходится в субботу, когда мама дома. Они идут гулять. В другое время это доставило бы Жорику массу удовольствия. Но сейчас он думает только о том, что через два с половиной часа у него начинаются уроки.

– Далеко не пойдём, – подливает масло в огонь мама, – тебе еще в школу.

Жорик морщится от напоминания и мрачно кивает. Мама ведет его в детский мир и покупает маленькую модель автомобиля. Потом они возвращаются в свой двор и садятся за стол, вкопанный под деревьями. Вечером за ним собираются ребята постарше Жорика. Порой взрослые дядьки играют здесь в домино или карты. Но сейчас за столом никого нет.

– Можешь поиграть, – говорит мама.

Жорик вяло катает машинку по столу. Игра не доставляет ему никакого удовольствия. Он думает только о школе и о том, что его ждет сегодня урок физкультуры. Жорик нена-

видит физкультуру.

Физкультуру Жорику преподает Иван Павлович. На самом деле его зовут Жан. В войну его отца, которого угнали из Украины в Германию фашисты, освободили американцы. И он переехал во Францию. Там он женился на француженке, которая родила ему двух сыновей – Жана и другого, имени которого Жорик не помнит.

А потом отец Ивана Павловича затосковал по родине и вернулся в их город. Жорик ходит с мамой смотреть в кино французские комедии. И он не понимает, как можно было, живя во Франции, тосковать по их городу. Наверное, Жану и его брату просто не повезло с отцом. Жан закончил в Киве институт физкультуры и теперь преподавал ее Жорику.

Жорик снова морщится. У Ивана (Жана) Павловича светло-русые волосы и дорогой импортный спортивный костюм. А еще он слегка картавит. Однажды Жорик, когда гулял с мамой в центральном сквере, видел, как Иван Павлович стоял там с этюдником и с натуры рисовал акварелью центр города.

Жорику очень нравится Иван Павлович. Но он не любит предмет, который тот преподает. Из-за своих ватных рук Жорик не может подтягиваться на турнике. А когда он бежит, в голове его темнеет, так что ему приходится останавли-

ваться и садиться на пол или на землю, если занятие проходит на улице. Иван Павлович никогда не ругает его за это, но от этого на душе у Жорика почему-то становится еще противнее.

Впрочем, Жорик не любит не только физкультуру, но и все остальные уроки тоже. Лилия Александровна, их учительница, носит огромные очки-круги, за которыми красными огоньками гнева сверкают ее глаза. Ее выветленные волосы взбиты в омертвелую от лака копну. Из своего потертого зеленого портфеля она достает тетрадки учеников и делает им замечания строгим голосом.

Над классом, где учится Жорик, шефствуют предыдущие выпускники Лилии Александровны. Они всего-навсего четвероклассники, но Жорику они кажутся большими, почти взрослыми. Несколько девчонок приходят к ним на классные часы и читают вслух «Четвертую высоту». Книга представляется Жорику абсолютно бесконечной.

На одном из уроков труда Лилия Александровна учит класс делать папье-маше. Она нарезает газету узкими полосками, мочит их и облепливает пустую баночку из-под клея. На дом она задает сделать из папье-маше мячик.

Но мячик – это совсем не баночка из-под клея. Жорик с мамой бьются над этим заданием весь вечер. Но у них ничего не выходит. Мокрая бумага сползает с упругой резины. Тогда мама просто лепит из мокрой газеты шарик. Когда он высыхает, они с Жориком обклеивают его кусочками разно-

цветной бумаги. Одна половинка красная, другая синяя. И желтая полоска посередине. Мячик получается на славу. На следующий день Жорик радостно тащит его в школу.

Лилия Александровна одного за другим вызывает учеников к своему столу для проверки домашнего задания по труду.

– Это, пожалуй, лучшее изделие, – подслеповато шурясь, заявляет она, когда очередь доходит до Жорика и тот встает с задней парты, держа в руках свой мячик.

Гордый от подобной похвалы Жорик подходит и кладет мячик на учительский стол.

– Да что ж он такой тяжелый? – взвешивает Лилия Александровна мячик в руке. – Да и не такой красивый вблизи.

Жорик смущенно переминается с ноги на ногу.

– Там хоть самого мячика внутри нет? – подозрительно произносит Лилия Александровна.

– Нет, – выдавливает Жорик.

– Ладно, иди, четыре, – выносит приговор Лилия Александровна. – Совсем некрасивый вблизи. И тяжелый.

Жорик, как оплеванный, плетется обратно за свою парту. Он едва удерживает мячик внезапно ставшими ватными руками.

Наступает весна. Как-то под вечер Жорик едет по двору на своем стареньком «Уральце» и видит Светку, с которой учится в одном классе. Почему она задержалась после уроков, он не знает. Да, собственно говоря, это не имеет никакого значения. Светка живет далеко от школы и ездит домой на троллейбусе. К его остановке она, вероятно, сейчас и направляется через двор Жорика.

У Жорика перехватывает дух. Он чувствует, что настал его звездный час. Развернув велосипед, Жорик отъезжает подальше, а затем, хорошо разогнавшись, пролетает мимо Светки, чуть не сбивая ее с ног.

Жорик не оглядывается. Это было бы верхом тщеславия и одновременно столь же явным проявлением слабости. Он выше всего этого, ибо и так знает, что был неотразим. И Светка наверняка это оценила.

На следующий день Жорик чуть ли не впервые в жизни идет в школу с радостью. Возле крыльца он видит Светку, которая болтает о чем-то с двумя незнакомыми Жорику девочками.

– Вдруг мимо меня проносится что-то гремящее и звенящее, – слышит Жорик слова Светки, когда проходит мимо нее.

Девчонки в ответ хихикают. А Жорик, насторожив уши и предчувствуя недоброе, замедляет шаг.

– И тут я вижу, что это недоумок Жорик из моего класса, – продолжает Светка. – Наверное, под присмотром бабушки на велосипеде катался и испугался чего-то.

Девчонки начинают хохотать. Жорик чувствует, что портфель выскользывает из его руки. Напрягшись всем телом, он каким-то чудом прижимает его к бедру, не давая упасть, и, минуя девчонок, заходит в школьный вестибюль, где портфель с грохотом обрушивается на мраморный пол.

Жорик пытается поднять портфель, но никак не может удержать его своими ватными руками. Тогда он начинает со злобой пинать портфель ногой в сторону раздевалки для младших классов. Уши Жорика пылают от стыда. Он ненавидит себя и свой старый велосипед. Если бы, шурша шиной о разогретый асфальт, он пронесся мимо Светки на новенькой лайбе, эффект был бы совсем другим. И Жорик начинает пинать портфель с удвоенной силой. Его сейчас он почему-то ненавидит больше всего.

Жорик идет в третий класс. Оказывается, летом директора его школы по фамилии Пирч, у которого были болотного цвета «Жигули», отправили на Кубу передавать накопленный опыт. И поэтому к первому сентября он прислал в школу Жорика телеграмму, которую зачитывает на линейке завуч Роман Зиновьевич.

Из всего пространного текста Жорик запоминает только фразу «желаю успехов в новом учебном году». Если честно, Жорик не связывает свое пребывание в школе с какими бы то ни было успехами. Поэтому телеграмма владельца болотных «Жигулей» вызывает у него одно лишь раздражение. Он думает о том, что через год Пирч вернется сюда уже на болотного цвета «Волге». ГАЗ-24 разрешают купить только тем, кто побывал в длительной командировке за границей. Наверное, ради этой самой «Волги» Пирч на Кубу и поехал.

– Может, он просто не хочет каждый день ходить в школу? – внезапно приходит на ум Жорику.

Но он тут же понимает, что на Кубе Пирчу нужно ходить в другую школу. Для этого его туда послали. И настроение Жорика портится окончательно.

У Жорика появляется друг. Его зовут Олег. Они учатся в одном классе и по дороге из школы могут часами стоять возле подъезда Жорика и болтать о самых разных вещах.

Однажды зимой в субботу друзья выскакивают после занятий из школы и видят, что выпал снег. В их городе это почти сравнимо с чудом. Солнце тускло и мягко светит сквозь желтое от снеговых туч небо, с которого нескончаемым потоком сыплются пушистые крупные снежинки.

У Жорика есть снегокат «Чук и Гек». Они с мамой купили его прошлым летом.

– Где ж вы на нем будете кататься? – недоуменно спрашивали их знакомые и соседи

– Да мы на Север собираемся переезжать, – уклончиво отвечала мама.

– Ну-ну, – недоверчиво качали головами любопытствующие.

– Да! – убеждала их мама. – Там и будем кататься.

Но теперь снегокат можно опробовать здесь, не забираясь за Полярный круг.

– Приезжай ко мне, – говорит Жорик Олегу, который живет в центре. – Пообедай и приезжай. Пойдем на котлован кататься на снегокате.

Наверное, Олег ест очень быстро. Потому что он звонит в дверь, когда сам Жорик еще не успевает толком пообедать.

В парке перед домом Жорика когда-то собирались строить стадион. Была отсыпана гигантская земляная чаша, после чего стройку забросили. Летом на котловане, как называют это место местные жители, выгуливают собак и запускают воздушных змеев. А зимой, в редкие мгновения, когда земля покрывается снегом, котлован становится любимым местом для катания на санках. Мальчишки постарше катаются внутрь котлована, по крутому склону. Мелюзга вроде Жорика с Олегом – по внешнему, более пологому.

На этот самый котлован друзья и отправляются. На поверку снежокат Жорика оказывается довольно тяжелой штуковиной. Так что мальчишкам приходится изрядно попотеть, пока они втаскивают его на гору. Снежокаты в городе в диковинку. Поэтому к ним тут же подходят трое ребят постарше. – Дайте-ка прокатиться! – говорят ребята.

По понятным причинам Жорик и Олег не могут им отказать. Впрочем, металлоемкая отечественная спортивная индустрия помогает очень быстро избавиться от непрошенных наездников. Снежокат так тяжел, что ребята, высунув языки, скоро вновь пересаживаются на свои обшарпанные салазки.

Жорик с Олегом приступают к обкатке. Сначала они ездят с горки по одному. Но стального монстра наверх быстро не втащишь. Так что катание получается в час по чайной ложке.

Тогда они начинают кататься вдвоем, руля по очереди.

Снегокат считается двухместным, но помещаются мальчишки на нем с трудом. Поэтому тот, кто сидит сзади, часто посреди склона сваливается, не уцепившись должным образом за спину рулевого.

К Жорику домой пить чай они возвращаются разгоряченными и усталыми.

– Наверное, это и есть самый счастливый день моей жизни, – думает Жорик.

Ежегодно в школу, где учится Жорик, приезжают зубные врачи. Дети зовут их зубокарателями. Со звуком бормашины в медицинском кабинете в сердце Жорика входит ужас. Неприятный медицинский запах разносится по всей школе.

Стоматологические карточки напечатаны на отвратительной шелестящей желтой бумаге. Их разносят по классам прямо на уроках. Первых несчастных уводит с собой зубокаратель. Пролеченные возвращаются назад и приносят карточки следующих жертв. Каждый раз, когда очередной одноклассник с перекошенным от перенесенных мук лицом, заходит в класс с пучком желтых бумажек в руке, Жорика начинает сотрясать озноб.

– Курчин, Яременко, Михальчук... – читает учительница фамилии на карточках.

Потом она называет фамилию Жорика, и он на трясущихся ногах идет к доске, чтобы взять свой желтый смертный приговор. Пошатываясь, Жорик бредет по пустынным во время урока и гулким школьным коридорам в медкабинет. Ему ужасно хочется выбросить желтую бумажку в туалете, посидеть для приличия в коридоре и вернуться в класс. Но он слишком робок для этого. Руки Жорика становятся ватными, так что он едва удерживает в них свою стоматоло-

гическую карту. Он идет в медкабинет, как кролик в пасть
удава...

Жорику нужен новый велосипед. Он уже давно понял, что Светкино сердце не покорить потрепанным «Уральцем». Его заветная мечта – складной дорожный велик, как у Олега.

И вот долгожданный день настает. Жорик с мамой отправляются по магазинам. Но «дорожников» нигде нет. В конце концов, объехав весь город, они покупают спортивный велосипед. И Жорик восхищается его четырьмя передачами.

– Тебе с непривычки будет тяжело на нем кататься, – предупреждает мама. – Руль слишком низко сидит.

Она оказывается права лишь отчасти. Гораздо тяжелее – крутить педали, шатуны которых почему-то смотрят в одну сторону. Как могли они проглядеть это при покупке?

Жорик с мамой возвращаются в магазин, где дядька в спецовке переставляет шатуны. Жорик отъезжает от магазина и... теряет педаль. Осмотр показывает, что она не вращается в подшипнике, а скручивается с шатуна. Пока шатуны глядели в одну сторону, это было не очень актуально. Но теперь все изменилось.

И Жорик с мамой возвращаются в магазин второй раз, где все тот же механик перебирает им педаль. Жорик вновь садится на велосипед, ожидая очередного подвоха. Теперь он не доверяет рулю. К счастью, ничего ужасного больше не

происходит. Показав нрав, велосипед готов служить ему верой и правдой.

В следующее воскресенье Жорик с Олегом едут кататься. Олег на своем «дорожнике» с крошечными колесиками семенит за Жориком, как моська за размашисто идущим хозяином.

Мальчишки выезжают на школьный стадион, где их останавливает здоровый незнакомый парень.

– Дай-ка проехаться на спортивном, – говорит он Жорику не терпящем возражений тоном.

Жорик скрепя сердце отдает ему велосипед, взяв взамен его старую лайбу. Парень едет вокруг стадиона. Прямо вдоль маслиновых зарослей. А Жорика мучает чувство дежавю. Повторяется история со снегокатом. Тогда ему повезло. Сейчас удача может отвернуться, и Жорик провожает свой новенький спортивный велосипед прощальным взглядом. Олег смотрит на него сочувственно и понимающе.

Однако, проехав кружок по стадиону, парень резко притормаживает возле Жорика.

– На, катайся, – великодушно говорит он ему, возвращая велосипед.

И Жорик с Олегом едут в парк через дорогу. Там Жорик дает приятелю покататься на своем велике. Пересев на его машину и бешено, как будто взбивая ногами гоголь-моголь, вертя педали, Жорик понимает, почему Олег все время от него отставал...

Наступает очередная осень, и Лилия Александровна в выходной день вывозит класс на природу в пригородный лес. В назначенном месте Жорик вместе со всеми выгружается из автобуса и бредет по лугу в сторону деревьев. Луг усыпан коровьими лепешками, на одну из которых Жорик нечаянно наступает.

– Вонючка! – дразнятся ребята.

Не обращая на это внимания, Лилия Александровна ведет класс к перелеску. Жорик чувствует, что не только его руки, но и ноги стали ватными. Он спотыкается на кочках, рискуя наступить на еще одну коровью лепешку.

– Вонючка, вонючка! – продолжают кричать ребята.

Жорик видит, как смеется этому Светка. И даже его друг Олег смотрит на него с насмешкой.

– Быстрее! – торопит класс Лилия Александровна.

Жорик изо всех сил старается прибавить ходу, но все равно все больше и больше отстает от остальных детей. Внезапно в глазах у него начинает рябить, а земля резко уходит из-под ног.

– Что? Что случилось? – слышит он голос Лилии Александровны.

Голос доносится глухо, как будто через толстый слой ваты.

К нему примешиваются другие голоса, даже крики. А Жорик продолжает погружаться в бездонную ватную толщу. Вата душит его, наваливаясь со всех сторон. Он напрягается, стараясь выбраться наверх, чтобы перехватить хоть немного воздуха. Но у него ничего не выходит. Голоса стихают, и Жорик окончательно тонет в темноте...

Светлеет. В утреннем полумраке я начинаю различать силуэты домов. Мой взгляд скользит по центру старого города на уровне верхних этажей. Я сворачиваю с проспекта на Харлампиевскую улицу. Потом, возле гостиницы «Спартак» – на Георгиевскую. Справа от меня остается музей, возле которого стоят скифские «бабы», охраняющие покой города. Кажется, они провожают меня своими пустыми каменными глазницами.

Я лечу дальше, сворачиваю на Земскую улицу. Затем внезапно вырываюсь на площадь и стремительно взмываю вверх. Впереди я вижу море, играющее в первых лучах восходящего солнца. Я лечу над побережьем, поднимаясь все выше и выше. Город отдаляется, теряясь в заливающих его ярких солнечных лучах, заваливаясь за горизонт, словно утопая во времени, которое давно прошло и не повторится больше никогда.